

18+

Адария Айнова

Руки палача

Адария Айнова

Руки палача

«Издательские решения»

Айнова А. А.

Руки палача / А. А. Айнова — «Издательские решения»,

«Руки палача» — это редкий случай зрелой профессиональной прозы: живой язык, точный стиль, афоризмы, которые запоминаются. Действие — в папской Италии середины XIX века. Кому подойдёт: ценителям умной исторической беллетристики, психологической глубины и чёрного юмора. Читается на одном дыхании, оставляет послевкусие. Очень сильное чтение.

© Айнова А. А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1, в которой мы знакомимся с человеком, по недоразумению ставшим национальным героем, и его неудачным мулом	6
Глава 2, в которой мы знакомимся с палачом, его учителем и искусством, которому нельзя научиться по книгам	8
Глава 3, в которой Сверчок начинает петь, но не то, что от него ждут, а также в которой выясняется, что у палача очень красивые руки	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Руки палача

Адария Антоновна Айнова

*«Между болью и исцелением — всего лишь поворот ладони». —
Старая палермская поговорка.*

© Адария Антоновна Айнова, 2026

ISBN 978-5-0070-4543-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1, в которой мы знакомимся с человеком, по недоразумению ставшим национальным героем, и его неудачным мулом

Сеньор Алессио по прозвищу Сверчок, потому что трещал без умолку даже в самых неподходящих для трескотни обстоятельствах, был пойман жандармами Его Святейшества при обстоятельствах, настолько глупых, что впоследствии эта история будет пересказываться в trattoriaх от Палермо до Милана как анекдот о божественной несправедливости.

Дело было в четверг. Четверг в городке Сан-Пьетро-ин-Казучча считался днём рыбным, базарным и крайне неподходящим для революций. Однако именно в четверг Сверчок, страдавший от похмелья после бурного заседания тайного общества «Молодая Италия, но не слишком», решил, что переходить границу герцогства на муле будет отличной идеей. Мул, животное с чувством юмора, идею не оценил. На середине моста через реку Фьюмичелло, что несла свои мутные воды с достоинством графини, мул остановился и принялся философски созерцать воду. Сверчок прищипорил его. Мул не тронулся. Сверчок выругался по-латыни. Мул повернул голову и посмотрел на хозяина с выражением такого глубокого презрения, что любой декан богословского факультета позавидовал бы.

— Друг мой, — сказал Сверчок мулу, ибо он имел привычку разговаривать со всеми, включая мебель, — ты компрометируешь наше общее дело. Италия ждёт.

Мул фыркнул и принялся жевать чертополох.

Тем временем отряд папских жандармов под командованием сержанта Альбероне — всю жизнь гордившегося тем, что за тридцать лет службы он ни разу не принял самостоятельного решения — патрулировал окрестности в поисках контрабандистов. Увидев на мосту человека на муле, сержант Альбероне испытал прилив профессионального рвения.

— Глядите, — сказал он подчинённым, — человек на муле. Подозрительно.

— Почему подозрительно, господин сержант? — спросил капрал Бьянки, юноша старательный, но лишённый воображения.

— Потому что он на мосту, а мост для того и построен, чтобы по нему ходили. Значит, он что-то замышляет.

Сержант Альбероне, как видите, обладал логикой, перед которой пасовал сам Аристотель. Жандармы окружили мост. Мул, почувствовав внимание публики, решил не ударить в грязь лицом и лёг. Прямо на мосту. Со Сверчком в седле. Сверчок перелетел через голову мула и приземлился прямо к ногам сержанта Альбероне, при этом из его дорожной сумки выпали: три экземпляра запрещённой брошюры «Почему Папа — болонская колбаса»; карта с пометками, которые при ближайшем рассмотрении оказались рецептом соуса «алла путтанеска»; и пистолет, который, слава богу, не выстрелил, потому что Сверчок забыл его зарядить ещё пару месяцев назад.

— Именем Его Святейшества! — воскликнул сержант Альбероне, краснея от сознания собственной значимости. — Вы арестованы!

— За что? — искренне удивился Сверчок, потирая ушибленный локоть. — За то, что мой мул — осёл?

— За оскорбление животного! — рявкнул сержант. — И за брошюру.

— Брошюра — гастрономическая, — возразил Сверчок. — Там исключительно о качестве варёных колбас в Болонье. Аллюзия на Святой Престол — случайное совпадение.

— Случайных совпадений не бывает, — изрёк сержант Альбероне фразу, которую вычитал в полицейском циркуляре. — В кандалы его.

Так началось заключение человека, которому суждено было стать легендой, перевернуть представления о допросах, подружиться с собственным палачом и попутно очистить город от коррупции. Но об этом пока никто не знал, включая самого Сверчка, который в тот момент думал только о том, что не успел позавтракать.

Глава 2, в которой мы знакомимся с палачом, его учителем и искусством, которому нельзя научиться по книгам

Палача звали Томмазо. Фамилия у него была Лупо, что значит «волк», но её произносили редко, шёпотом и обязательно крестясь левой рукой. Впрочем, сам Томмазо Лупо на волка походил мало. Это был молодой человек двадцати четырёх лет, худощавый, с внимательными карими глазами и руками, про которые можно было бы сказать «руки музыканта», если бы не род его занятий, делавший такое сравнение несколько двусмысленным.

Ремеслу своему Томмазо обучился у маэстро Ферранте по прозвищу Кабанья Тень — мрачного старика, который утверждал, что лично присутствовал при казни каждого второго преступника в Центральной Италии за последние сорок лет, а каждого первого — казнил собственноручно. Ферранте был человеком старой школы и, как ни странно, страстным любителем кондитерских изделий. В его мрачном доме, пропахшем кожей и железом, всегда стояла вазочка с засахаренными фиалками — он выписывал их из Флоренции и поедал в минуты раздумий, аккуратно, двумя пальцами, словно причастие. «Сладость, — говаривал он, — уравнивает горечь ремесла». Эту фразу Томмазо запомнил на всю жизнь — как и то, что учитель никогда не предлагал фиалки ему. Это была единственная роскошь, единственная личная радость старика, и делиться ею он не собирался. Пытка для него была ремеслом, засахаренные фиалки — удовольствием, и смешивать их не следовало.

Детей у Ферранте не было, если не считать воспитанника, которого он подобрал в сиротском приюте двенадцать лет назад. Выбор пал на Томмазо по двум причинам: во-первых, мальчик не плакал, когда его били (а в приюте били часто, с методичностью и размахом), во-вторых, у него оказались удивительно ловкие пальцы. Ферранте, осмотрев руки десятилетнего сироты, словно барышник — копыта лошади, остался доволен.

— То, что надо, — сказал он настоятельнице. — Беру в ученики.

— Чему же вы будете его учить? — спросила настоятельница, которая прекрасно знала, чем занимается Ферранте, но не решалась отказать человеку, чьё расположение ценилось даже в епископском дворце.

— Медицине, — ответил старый палач, и это была правда. Просто правда неполная.

Томмазо действительно изучил медицину — в том её объёме, который был необходим для ремесла. Он знал, как устроено человеческое тело, где проходят нервы и вены, как долго может длиться боль без потери сознания, какие травмы смертельны, а какие лишь причиняют страдания, не приближая конца. Он умел вправлять суставы, зашивать раны, готовить целебные мази из трав и жиров. Всё это входило в программу обучения, потому что, как любил повторять Ферранте: «Хороший палач — это тот, кто умеет продлить разговор. Мёртвый подозреваемый — плохой собеседник. А клиент, умерший до признания, — ходячий выговор от начальства».

Ходячий выговор. Ферранте любил такие выражения. Он вообще был человеком практичным и лишённым того садистического пыла, который горожане непременно приписывали его профессии. Он не наслаждался криками — он относился к ним как к производственному шуму. Он не упивался видом крови — кровь была для него чем-то вроде чернил, которыми подследственный подписывал признание. «Моя работа — задавать вопросы от имени закона, — объяснял он Томмазо. — Закон, как известно, глуховат, так что вопросы приходится повторять. Иногда — громче».

Учил он жёстко. За ошибки наказывал — порой теми же методами, какими учил пользоваться. «Если ты не знаешь, что чувствует клиент при втором обороте винта, как ты сможешь

дозировать давление?» — спрашивал он и тут же давал практический урок. Томмазо не жаловался. Боль он воспринимал как часть обучения — так же, как будущий повар обжигается о кастрюли, а будущий кузнец вечно ходит с синяками от молота. Ремесло есть ремесло. Всякое ремесло оставляет отметины на теле и на душе. Так он думал.

К двадцати четырём годам Томмазо превзошёл учителя. Ферранте признал это сам — впрочем, без гордости и без зависти, с тем спокойным удовлетворением, с каким сапожник смотрит на ученика, сшившего лучшие сапоги.

— Ты можешь держать человека на грани сколько угодно, — сказал старик как-то вечером, когда они ужинали бобовой похлёбкой. — У тебя руки — дар. Я за сорок лет не достиг такой точности. Ты можешь резать так, что клиент будет просить добавки. Но запомни, Томмазо: руки — это половина дела. Вторая половина — здесь.

Он постучал себя по лбу.

— И здесь, — он постучал по груди, где, по его представлениям, помещалось то загадочное устройство, которое люди называют сердцем, а Ферранте называл «предохранительным клапаном». — Не путай ремесло с удовольствием. Как только начнёшь получать удовольствие — пропадёшь. Станешь зверем. А зверя рано или поздно пристрелят.

— Я не получаю удовольствия, — ответил Томмазо.

— Знаю. Поэтому ты лучший.

На том разговор и закончился. Ферранте умер через полгода — подавившись сладостью. Томмазо остался один. Он не плакал — в приюте его отучили от этой роскоши, — но впервые за много лет почувствовал, что земля под ногами начала крениться. Старик был жесток, несправедлив и, кажется, единственным существом на свете, которому было не всё равно, выучит Томмазо своё ремесло или нет. Теперь даже этой странной заботы не осталось.

Ему перешло хозяйство: подвал в здании тюрьмы Сан-Джованни-дель-Оссо, набор инструментов, три бутылки с настойками собственного изготовления и репутация человека, который может развязать любой язык.

За два года самостоятельной работы он не встретил ни одного подследственного, который продержался бы дольше трёх дней. Некоторые заговаривали ещё в коридоре, слышав его шаги. Тюремщики уважали его, начальство ценило, горожане боялись и презирали. Никто никогда не смотрел ему в глаза дольше секунды. Никто не говорил с ним как с равным. Он привык.

А потом привели Сверчка.

Глава 3, в которой Сверчок начинает петь, но не то, что от него ждут, а также в которой выясняется, что у палача очень красивые руки

Их первая встреча состоялась в подвале, который в официальных документах именовался «комнатой для настойчивых расспросов», а среди заключённых — «гостиной синьора Лупо». Сверчка привели утром, ещё до завтрака. Томмазо как раз заканчивал проверку инструментов — раскладывал их на столе, покрытом чистой холстиной, с той педантичностью, с какой аптекарь раскладывает склянки перед началом дня.

Дверь отворилась, и два тюремщика ввели человека в разорванной рубашке, с синяком на скуле и с выражением лица, которое можно было бы назвать «глубокая задумчивость пополам с неуместным оптимизмом». Сверчок — а это был именно он — оглядел подвал с интересом путешественника, посетившего историческую достопримечательность.

— Доброе утро, — сказал он. — Простите, что не могу пожать руку — они у меня связаны. Что за коллекция у вас здесь? Позвольте взглянуть поближе?

Томмазо молча указал тюремщикам на дыбу. Те привычно закрепили верёвки. Сверчок не сопротивлялся — напротив, он вертел головой, рассматривая потолок, словно прикидывал, не нуждается ли тот в побелке.

— Скажите, — обратился он к Томмазо, пока тюремщики возились с узлами, — ваша ли это конструкция или вы придерживаетесь классической школы? Я спрашиваю, потому что видел чертежи немецкой модели — там предусмотрен храповик, позволяющий фиксировать натяжение. У вас, как я погляжу, римская система? Без храповика?

Томмазо моргнул. За все годы работы никто из клиентов не спрашивал его о технических деталях. Кричали — да. Проклинали — безусловно. Умоляли — часто. Но чтобы обсуждать преимущества немецкой дыбы перед римской? Такого ещё не было.

— Римская, — ответил он после паузы. — С моими доработками.

— Любопытно! — искренне оживился Сверчок. — И что за доработки?

— Угол наклона. Меньше нагрузка на плечевые суставы. Можно дольше.

— То есть вы заботитесь о комфорте клиента! — Сверчок просиял. — Это редкое качество. Обычно палачи — люди без фантазии. А у вас, я чувствую, талант.

Тюремщики переглянулись. За пятнадцать лет службы они не слышали, чтобы подследственный делал комплименты палачу до начала процедуры. Это было... непривычно.

— Приступайте, — сказал Томмазо тюремщикам, стараясь не встречаться глазами с клиентом.

— Подождите! — воскликнул Сверчок. — Прежде чем вы начнёте меня спрашивать о вещах, которых я, честно говоря, и сам толком не знаю — у меня ужасная память на имена, а конспиративные клички я вечно путаю — позвольте один вопрос.

Томмазо остановился. Вопрос перед началом — это было в порядке вещей. Обычно спрашивали: «Это будет больно?» или «Вы убьёте меня быстро?». Он приготовился к стандартному ответу.

— Как вас зовут? — спросил Сверчок.

— Что?

— Имя. У вас есть имя? Меня вот зовут Алессио, хотя все называют Сверчком. Прозвище глупое, но прилипло. А вас?

Томмазо помедлил. Имя. Его спрашивали имя.

— Томмазо, — сказал он.

— Tommaso... — протянул Сверчок, смакуя звук. — Фома. Тот самый, что не верил, пока не потрогал. Мне всегда нравилось это имя. Очень приятно, Томмазо. Не буду лукавить — обстоятельства нашего знакомства могли бы быть приятнее. Но что есть, то есть. Если вам всё равно, давайте начнём с того, что я вам сразу скажу: я действительно знаю кое-что важное, но не то, о чём вы собираетесь спрашивать. И это создаст некоторую неловкость. Чтобы избежать недоразумений, может, просто побеседуем?

— Спрашивать буду я, — твёрдо сказал Томмазо. — А вы будете отвечать.

— Прекрасно! Диалог! Я люблю диалоги. Сократ, помнится, тоже любил. Правда, его за это заставили выпить цикуту, но давайте не будем о грустном. Итак, ваш первый вопрос?

Томмазо сделал знак тюремщикам. Те начали натягивать верёвки. Сверчок поморщился.

— Ай! Ну вот, начали. Хорошо, хорошо. Я понял. Вы серьёзный человек. Давайте серьёзно. Что вы хотите знать?

— Имена. Сообщники. Явки. Планы.

— О! — сказал Сверчок, и в его голосе прозвучало неподдельное облегчение. — Так это же проще простого. Записывайте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.